

«Подведите мой посмертный баланс...»: Обзор налогового дела Владимира Маяковского

За три дня мимо него прошли 150 тысяч человек. Прощание с Владимиром Маяковским началось 15 апреля 1930 года в Клубе федерации писателей на улице Воровского¹, 52. Выйдя из зала, посетители подолгу стояли во дворе, курили, разговаривали. Никто не обращал внимания на мужчину неприметной наружности, который потихоньку переходил от одной группы к другой. Это был сотрудник ОГПУ с агентурным псевдонимом «Арбузов». 18 апреля он отправил руководству сводку, в которой был и такой абзац:

Много разговоров, слишком много о налоге.

Говорят налог был 22 000 рублей. Это страшно угнетало М. Что бы заплатить его, надо было все продавать. М. прежде всего был поэт. В душе — богема. Что наживал, то проживал. И если бы Госиздат платя ему — 2–3 тыс<ячи> тут же удерживал рублей 500 в налог (частями) то никогда бы Маяковский так остро не почувствовал тяготы налога, который также сыграл роль косвенного душителя, ускорившего конец. Подход фининспекции к Маяковскому находили безтактным и безобразным².

С тех пор прошло 88 лет, но тема «Владимир Маяковский и налоги» и теперь остается в лучшем случае предметом разговоров. И это при том, что она была частью и его литературной биографии. Знаменитый «Разговор с фининспектором о поэзии» — не просто исповедь о сути творческой работы. Это еще и отражение взаимоотношений автора с сотрудниками финансового отдела Моссовета и Мосгубисполкома (сокращенно — Мосфинотдела³).

В Рукописно-документальном фонде Государственного музея В. В. Маяковского хранится комплекс документов, имеющий условное название «Налоговое дело». Это заявления поэта в Мосфинотдел и ответы на них, декларации о доходах, справки из редакций о гонорарах, квитанции, повестки, платежные книжки. Самый ранний документ относится, вероятно, к осени 1923 года, самый поздний — к весне 1930 года. Материалы поступили к исследователям в 1938 году: финансовое ведомство передало их в только что созданную тогда Библиотеку-музей В.В. Маяковского.

В 1940 году были опубликованы два документа из этой подборки — письма в Мосфинотдел от 26 августа и 3 сентября 1926 года, а также сделан обзор остальных материалов⁴. Еще один документ — заявление в Губернскую налоговую комиссию от 31 октября 1926 года – напечатан в академическом Полном собрании сочинений в 1961 году⁵. С тех пор, насколько нам известно, никто не обращался к налоговому делу Маяковского — ни его биографы, ни исследователи произведений, ни историки экономики. Из-за этого в немногочисленных публикациях, в которых «Разговор с фининспектором о поэзии»

¹ Такое название в 1922–1993 годах носила Поварская улица.

² Цит. по: «В том, что умираю, не вините никого»?.. Следственное дело В. В. Маяковского: Документы. Воспоминания современников / вступ. статья, сост., подг. текста, коммент. С. Е. Стрижневой. М., 2000, 2005. С. 85. Во всех документах сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

³ Эта организация за свою вековую историю сменила 7 названий: финансовый отдел Моссовета (1918 - 1920), финансовый отдел Моссовета и Мосгубисполкома (1920 – 1929), финансовый отдел Мособлисполкома и Моссовета (1929 – 1931), городской финансовый отдел Мосгорисполкома и Моссовета (1931 – 1937), финансовое управление Моссовета (1937 - 1986), главное финансовое управление Мосгорисполкома (1986 – 1992) и, наконец, Департамент финансов г. Москвы (с 1992 года). В статье мы используем название, которое дольше всего использовалось при жизни Маяковского.

⁴ Маяковский. Материалы и исследования / под ред. В. О. Перцова и М. И. Серебрянского. М., 1940. С. 32–34.

⁵ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955–1961. Т. 13. С. 98.

анализируется в контексте биографии Маяковского, встречаются ошибочные утверждения⁶. Лучший на сегодня комментарий к «Разговору...» опубликован в новейшем академическом Полном собрании произведений⁷, в нем точно и емко описано фискальное законодательство, действовавшее в момент создания стихотворения. Однако и этот комментарий мог быть подробнее, используя его автор (А.А. Козловский) документы налогового дела поэта: они дали бы представление о нижней границе датировки текста и помогли бы объяснить ряд слов и выражений, которые, на наш взгляд, этого заслуживают.

В 2004 году неожиданно было названо имя одного из сотрудников Мосфинотдела, общавшихся с поэтом — Степан Журавлев⁸. Публикация прошла незамеченной для исследователей Маяковского и оказалась не учтена в его новейшей библиографии⁹. Степан Акимович Журавлев (1892–1980) проработал в финансовых органах 37 лет — с 1922 по 1959 годы. В 1931 году, когда столица и область стали самостоятельными административно-территориальными единицами, из Московского областного финансового отдела выделился Московский городской финансовый отдел, который начал заниматься бюджетом города (его нынешний преемник — Департамент финансов столицы). Журавлев остался в областном отделе (ныне это Министерство финансов Московской области), сделал хорошую карьеру — в 1946–1959 годах был заместителем руководителя этого ведомства. Нам удалось разыскать правнучку Степана Акимовича, работницу зеленоградской школы Юлию Анохину. Она подтвердила, что судьба сводила ее прадеда со знаменитым поэтом. В Главном архивном управлении Московской области обнаружилась трудовая книжка Степана Акимовича, приведенный в ней послужной список Журавлева и образцы подписи (1939 и 1947 годов) помогли нам при поиске его следов на страницах налогового дела Маяковского.

«В ряду имеющих лабазы и уголья...»

Подходный налог в Советском Союзе был введен декретом ВЦИК и Совнаркома СССР от 16 ноября 1922 года. При жизни Маяковского законодательство, регулирующее эту форму обложения, менялось как минимум *семь* раз. Неизменным оставалось одно — то, что в советское время называлось «классовым подходом». Плательщики — физические лица почти во всех нормативных документах делились на три категории: рабочие, служащие и государственные пенсионеры («А»), лица, получавшие доход от труда не по найму («Б») и лица с нетрудовыми доходами («В»). Государство стремилось максимально облегчить финансовое бремя для первой категории, переложив его тяжесть на вторую и третью. Налог был еще и политическим инструментом, он создавал некомфортную атмосферу для чересчур независимых, избегающих вступления в кооперации работников (категория «Б»), и капиталистов-частников (категория «В»), способствовал их постепенному вытеснению с рынка. В 1926/1927 годах рабочие, служащие и пенсионеры, составлявшие почти половину всех плательщиков, давали лишь одну десятую налога, лица с трудовыми доходами не по найму (26,5 % плательщиков) — 13,2 %, а лица с нетрудовыми доходами (24,2 % плательщиков) — 76,8 % налога¹⁰.

⁶ Например, Борис Бицоти, автор статьи «О чем Маяковский говорил с фининспектором» (Бюджетный учет. 2010. Апрель. С. 75–77), явно пользовался только опубликованными материалами. В статье утверждается, будто после осени 1926 года поэт «до конца своих дней оставался верен условиям хрупкого перемирия, достигнутого однажды в споре с фининспектором». На самом деле в дальнейшем у Маяковского как раз были случаи гораздо более жесткого противостояния с сотрудниками Мосфинотдела. В этой же статье подходный налог, который взыскивали с Маяковского, почему-то назван «промысловым».

⁷ *Маяковский В.В.* Полное собрание произведений: в 20 тт. Т. 2. М., 2014. С. 588 – 591.

⁸ Финансы Московской области. 1929–2004 / Правительство Московской области, Министерство финансов Московской области. М., 2004. С. 9.

⁹ Русские писатели. Поэты: (советский период): биобиблиогр. указ. Т. 14: В.В. Маяковский, ч. 2, вып. 4: Лит. о жизни и творчестве В.В. Маяковского (1981 – 2010) / сост. А.П. Аксенкин [и др.] ; Гос. музей В.В. Маяковского; Рос. нац. б-ка. СПб., 2014.

¹⁰ См.: *Пушкарева В. М.* Налоговая система Союза ССР (1921–1930): Учебное пособие. М., 2011. С. 78.

Фининспекция также имела право сама собирать сведения о доходах и уровне жизни плательщика. В 1922–1926 годах декларацию подавали и налог уплачивали дважды в год (первое полугодие считалось с 1 октября по 31 марта, второе — с 1 апреля по 30 сентября). Затем налог стали начислять один раз в год, уплачивать его полагалось равными долями в четыре приема.

«Скиньте с обложения нуля колесо...»

Осень 1923 года, вернувшись из путешествия по Германии, Маяковский узнал, что ему полагается уплатить 131 рубль 25 копеек золотом недоимки, а также накопившуюся пеню. 31 декабря поэт направил жалобу в Мосфинотдел:

Т. к. я находился с 6/VII 23 г. в заграничной командировке я не получал никаких извещений о налоге и поэтому никаких недоимок и пени с меня не может быть. Я так же не понимаю как и откуда выведена сумма 131 р. 25 к., т. к. мною получено через домком извещение о внесении 2/I 24 г. налога в размере 22 р. 50 к. за тот же срок апрель–сентябрь 23 г. Прошу пересмотреть вопрос.
(P-5426(71)).

Документ «Сведения о доходе и стоимости имущества» сперва определил облагаемый заработок Маяковского в 1875 рублей золотом. При этом явно использовались показания соседей по квартире в Лубянской проезде или домоуправа: на листе карандашом приписано: «Живет широко, постоянный покупатель б[ывшего] магаз[ина] Елисеева» (P-5426(73)). Согласно постановлению от 27 июля 1923 года, представители свободных профессий, заработавшие от 1600 до 2000 рублей золотом, попадали под 11 разряд: ставка государственного налога 105 рублей плюс четверть этой суммы в качестве местного налога. Видимо, узнав, какую сумму дохода ему обложили, Маяковский стал доказывать, что заработал гораздо меньше (на какой цифре он настаивал, неизвестно). 2 января губернская налоговая комиссия отклонила его жалобу, но 31 января рассмотрела ее вновь и постановила брать налог только с 1250 рублей золотом. А это уже 9 разряд, ставка 45 рублей (с учетом местного налога — 56 рублей 25 копеек). Первая схватка поэта с инспекторами окончилась его победой, пусть и не с первого раза.

28 февраля 1924 года участковая комиссия на основе поданной Маяковским декларации и других сведений определила облагаемый доход поэта за второе полугодие бюджетного 1923 года в 3 тысячи рублей. К тому времени действовал уже другой закон — «Положение о государственном подоходно-поимущественном налоге» от 12 ноября 1923 года. Представитель свободной профессии, заработавший от 2,5 до 3 тысяч рублей, облагался по 9 разряду, ставка — 227 рублей (с учетом местного налога и при зачете основного — 261 рубль 25 копеек). 25 марта 1924 года Маяковский направил в Мосфинотдел просьбу снизить ему доход до 1200 рублей, **поскольку** из шести месяцев облагаемого полугодия он четыре провел за границей (P-5426(65)). Через два дня губернская налоговая комиссия согласилась понизить сумму — но не на 60 %, как хотел Маяковский, а вдвое, до полутора тысяч. С таким доходом поэт попадал под 6 разряд налогообложения (ставка — всего 79 рублей). Снова победа, пусть и неполная, но быстрая.

30 апреля 1924 года Маяковский подал очередную декларацию. В дополнение к ней Мосфинотдел собирал и другие справки о его доходах. В частности, 25 июня заведующий подоходным отделом сообщил фининспектору, какой гонорар получил Маяковский с октября 1923 по апрель 1924 года в издательстве «Красная новь». На этой справке хорошо различима подпись «СЖ». Степан Акимович Журавлев с 10 апреля по 1 октября 1924 года как раз трудился заведующим подоходным отделом налогового управления. Подпись на справке короче, чем подписи Журавлева в трудовой книжке (в зрелые годы он подписывался «СЖурав»¹²), однако начертание букв похоже. Видимо, это

¹² Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2698. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2, 9.

в продолжение нескольких лет заработок не изменяется <...>. Всякое иное решение в корне подорвет мою работу.

30 октября 1926 года участковая налоговая комиссия сделала вывод, что производственные расходы в 6530 рублей не подтверждаются документами. Тем не менее решено было признать таковыми 30 % дохода. А затем поэту сделали еще большую уступку — зачеркнули первоначальные цифры и признали производственным расходом ровно половину заработка, оставив к обложению 4968 рублей. Всего полагалось заплатить 848 рублей 75 копеек (P-5426(14)).

Маяковскому это показалось недостаточным. На другой день он написал заявление уже в губернскую налоговую комиссию:

В виду того[,] что районная комиссия центрального района в заседании своем от 30 октября не приняла в соображение всех расходов указанных мной[,] прошу пересмотреть мое дело и снизить налог и штраф до минимальных размеров[,] принимая в соображение все особенности поэтической работы. (P-5426(7)).

Видимо, эту жалобу рассматривать уже не стали — связанных с этим документов в деле нет.

20 ноября 1926 года Маяковский заполнил очередную декларацию, указав в ней, что за год заработал 10 345 рублей, из них «чистыми» — 8817 рублей. Мосфинотдел, в свою очередь, запросил справки из всех издательств, с которыми сотрудничал поэт, о его гонорарах за апрель–октябрь 1926 года. С учетом всех данных его валовой доход был оценен в 19 162 рубля. В графе «Прочие сведения и объяснения в дополнение к вышеуказанным» Маяковский написал: «Мои расходы мотивированы в предыдущей декларации, которую я и просил рассматривать <sic> в готовом масштабе» (P-5426(16)). Видимо, «предыдущей декларацией» он считал августовское письмо в Мосфинотдел и надеялся добиться снижения облагаемого дохода до 2,5–3 тысяч рублей. Но комиссия поступила так же, как в октябре — признала производственными расходами «всего лишь» половину заработка и оставила к обложению 9581 рубль (к уплате — 791 рубль 20 копеек). Поэт еще не знал, что даже этот успех закрепить будет непросто.

«Гражданин, учтите билет проездной!..»

«1927 год можно назвать «болдинским» годом Маяковского, — писал концертный администратор поэта Павел Лавут. — Поэт провел вне Москвы 181 день — то есть полгода (из них пять недель за границей), посетил 40 городов и свыше 100 раз выступал...»¹³. А если судить по налоговому делу, этот год стал для поэта годом проблем с платежами. Например, к лету 1927 года Маяковский еще не выплатил полностью налог даже за второе полугодие 1924/1925 годов. Возможно, это были две стороны одной медали: во время турне Маяковский не только зарабатывал, но и **много тратил** (до места назначения поэт добирался за свой счет, часто выступал бесплатно — на заводах, в вузах, в воинских частях), а из-за разъездов ему не хватало времени заняться денежными вопросами. Оказавшись ненадолго в Москве, он старался решить хотя бы часть из них. Например, за один день 12 июля 1927 года он совершил четыре платежа: сначала 210 рублей, потом 8 рублей 13 копеек, потом 44 рубля 10 копеек, потом 145 рублей. Возможно, он получил в четырех разных местах гонорар (или долг?) и после каждого раза заходил в кассу. 19 июля 1927 года Мосфинотдел выполнил его просьбу: часть недоимок, всего на сумму 1113 рублей 19 копеек, убавить вдвое, остальные (572 рубля 10 копеек) принять без пени, а также избавить поэта от штрафа в 100 рублей (P-497). Однако такая благосклонность не могла продолжаться вечно.

¹³ Лавут П. И. Маяковский едет по Союзу. 3-е изд. М., 1978. С. 9.

28 февраля 1928 года инспектор по прямым налогам оценил валовой годичный заработок Маяковского в 18 700 рублей и согласился признать производственными расходами лишь 30 % из них (а не половину, как это было в 1924 и 1926 годах). Надо было заплатить 1636 рублей налога и еще штраф в 30 рублей за неподачу декларации.

16 марта поэт написал в районную налоговую комиссию, что сумма заработка «очевидно, ошибочно выведена благодаря непринятию во внимание всех писательских производственных расходов. Прошу обложить меня налогом по примеру прошлого года (с 9500), так как ни доходы, ни расходы мои, за последние годы, не меняются» (P-5426(94)). Он уже не пытался настаивать на обложении из расчета в 3 тысячи рублей за полугодие — он старался вернуть хотя бы завоеванные в предыдущий год позиции. Участковая налоговая комиссия 3 мая отвергла жалобу. Районная комиссия 7 июня согласилась на послабление: если поэт успеет выплатить первую половину налога до 15 июля (вообще-то это надо было сделать на два месяца раньше), то не брать с него пени, а вторую половину долга урезать на 80 % (P-491). Получается, налог уменьшался на 654 рубля 49 копеек — более, чем на треть.

«Взгляните — сколько я потерял...»

5 февраля 1929 года валовой годичный доход Маяковского был определен в 17 800 рублей. Производственными расходами снова признали только 30 % заработка, значит, к обложению оставались 12 460 рублей. На декларации есть помета от 26 июня: «По расп[оряжению] т. Николаева установить налог исходя из повышенных расходов в размере пр[ошлого] года» (P-5426(106)). Вероятно, имеется в виду Алексей Васильевич Николаев (1887–1939), тогдашний начальник Мосфинотдела, и это благодаря его вмешательству согласились признать 30 %-ные производственные расходы.

30 июня недовольный этим решением Маяковский обратился в 17 участок с заявлением: «Прошу снизить мне размер подоходного налога до суммы уплаченной в прошлом году, т. к. при обложении не были полностью приняты во внимание мои производственные расходы» (P-5426(124)). Вообще-то по образцу предыдущего года его и обложили. В деле есть неподписанная бумага без даты на бланке постановления районной или уездной комиссии, которая уточняет, чего же хотел поэт: «Принимая во внимание деятельность писателя Маяковского, в связи с которой его расходы выше принятых 30 % и учитывая это обстоятельство — понизить облагаемый доход до 9500 руб.» (P-5426(125)). Но такой доход (точнее, 9581 рубль) ему установили не в предыдущем 1928-м, а в 1926 году.

3 августа 1929 года жалобу Маяковского обсудили на заседании районной комиссии и постановили: 30 % — это максимальный размер для производственных расходов, оснований для понижения облагаемой суммы нет (P-492). И тогда поэт впервые попробовал воздействовать на Мосфинотдел через вышестоящую организацию. 26 сентября он написал в Народный комиссариат финансов РСФСР:

Прошу снизить размер подоходного налога, исходя из с[п]равок прошлого года, приняв во внимание повышение платежей по закону.

Резкое повышение налога объясняется тем, что производственные расходы приняты по внимание в меньшем проценте, чем в прошлом году. Прошу снять с меня пени за несвоевременную уплату налога, т. к. я находился в лекционной поездке, а деньги, которые должно было внести издательство Федерации сов[етских]. пис[ателей], внесены не были из-за неуказания № моего счета и неприсылки платежного извещения, а я имел все основания к тому же предполагать, что налог будет снижен до размеров прошлого года.

Прошу снять арест с моих получек (ГИЗ)[,] вычитая и внося 25 % своих получений. (P-5426(127)).

На всякий случай 30 сентября Маяковский написал еще и в Мосфинотдел, снова попросил при исчислении налога принимать половину заработка за производственные

расходы. Он привел перечень своих трат с 1 октября 1927 по 1 октября 1928 года — они составили, по его словам, 10 450 рублей. «Расходы эти постоянные и варьируются очень незначительно и обязательно должны приниматься во внимание при установлении размера налога», — требовал Маяковский (P-5426(129)).

В тот же день, 30 сентября 1929 года, в Мосфинотдел пришло письмо из Наркомата финансов РСФСР. Республиканское ведомство приняло сторону Маяковского, но при этом действовало мягко, **посоветовав**:

целесообразным, во-первых, проверив состоятельность причин, приведших к начислению с него пени, сложить образовавшуюся к данному моменту сумму последней, во-вторых, внимательно проверив установленный ему доход на 1928/29 г. и получившееся изменение процентов производительных расходов по сравнению с 1927/28 г., поставить вопрос о пересмотре обложения за 1928/29 г., в третьих, установить ему сроки уплаты налога с расчетом соблюдения интересов фиска и в то же время причитающихся сумм налога, путем установления частичного удержания из его поступлений <нрзб> с издательств, а не полного ареста этих сумм.

Таким образом, последнее слово оставалось за Мосфинотделом. И произнес это слово уже знакомый нам человек. 3 октября 1929 года на письме из Наркомата поставили визу, что оно переправляется «т. Журавлеву». За два дня до этого Степан Журавлев был назначен старшим инструктором по промысловому и подоходному налогу и одновременно помощником заведующего налоговым управлением. 10 октября Степан Акимович — его подпись легко узнается — начертил красными чернилами поперек строчек документа: «Расходы исключены в высшем предельном размере (30 %). Оснований к большему исключению расходов, как не подтвержденных документами — не имеется» (P-5426(132)).

19 октября 1929 года Мосфинотдел подготовил развернутый и логичный ответ на все три рекомендации Наркомата. Производственные расходы и так определены в максимальном размере, перечень затрат за прошлый год не может служить основанием для пересмотра обложения, «так как условия получения дохода не могут быть совершенно одинаковыми в разных операционных периодах», а «представленные объяснения в оправдание несвоевременной уплаты подоходного налога неубажительны».

Вывод: «ходатайство гр. Маяковского В. В. оставить без последствий». На справке стояло суровое примечание: «Настоящее постановление окончательное и дальнейшему обжалованию в Наркомфин не подлежит» (P-494).

«Поэт всегда должник вселенной...»

12 ноября 1929 года Маяковский заполнил свою последнюю налоговую декларацию. Его валовой доход за год был оценен в 21 750 рублей. Производственные же расходы за это время, по словам поэта, составили 11 тысяч. А по документам, которые он предоставил (в деле их нет) — 8894 рубля 81 копейки. Принять решение, насколько убедительны эти данные, предстояло инспектору по прямым налогам. До 1 февраля 1930 года эту должность занимал Степан Журавлев. Не исключено, что документы Маяковского снова легли на стол этому упрямому чиновнику — и так их с поэтом пути пересеклись в третий раз. Впрочем, под заключением инспектора не стоит даты, а закончилось рассмотрение дела только 27 февраля на заседании участковой комиссии. Журавлев к этому времени уже успел перейти на другую работу, так что, может быть, он на вердикт и не повлиял. Комиссия согласилась признать расходами только 6454 рубля (примерно 30% дохода) и, следовательно, назначить к обложению 15 300 рублей (P-5426(135)). С этой суммы поэту предстояло заплатить (с учетом штрафов) 2847 рублей, равными долями в четыре приема — 15 марта 1930 года, затем 15 мая, 15 июня и 15 июля (P-510).

...14 апреля 1930 года участковый фининспектор, придя на работу, первым делом навел справки — сделал ли товарищ Маяковский первый платеж. Оказалось, не внес еще

ни копейки — а ведь с назначенного срока прошел почти месяц. Инспектор написал на почтовой карточке, что «вторично напоминает о платеже в сумме 711 р 75 сроком 15/III 30[,] в случае не уплаты будут приняты меры» (P-517). И даже успел отправить ее в Гендриков переулок. Видимо, все это происходило ранним утром. Потому что промедли инспектор несколько часов — стало бы ясно, что утруждать почтальонов бессмысленно. Уже разнеслась бы по всему городу новость о том, что произошло в 10 часов 15 минут утра в «комнатенке-лодочке» в Лубянском проезде...

В **последних строках предсмертной записки** Маяковского, датированной 12 апреля, говорилось: «В столе у меня 2000 руб. — внесите в налог. Остальное **получите с ГИЗа**».

«И лоб мой время с разбега крушит...»

Какова была доля истины в «посмертном балансе», которые поклонники Маяковского подвели 15 апреля 1930 года на крыльце писательского клуба? Очевидно, достоянием молвы стала сумма валового дохода поэта из последней декларации, а пришедшие проститься — или что-то недослышавший агент «Арбузов» — приняли ее за размер налога (**напомним процитированный вначале отчет: «...Говорят налог был 22 000 рублей»**). На самом деле, **последний налог, начисленный поэту**, был почти в 10 раз меньше. Правда, за Маяковским наверняка оставались недоимки прошлых лет (вычислить их размер мы пока не готовы).

В оценке душевного склада поэта сплетники были правы. В **налоговых декларациях** в графе «Сколько вами истрачено на прожитие: стол, одежду и т. п.», написано крупными буквами: «**ВСЁ**». Расточительность Маяковского была известна. Необходимость отложить крупную сумму затрудняла импульсивного поэта: неслучайно в письме в Мосфинотдел от 26 августа 1926 года он просил, чтобы налог был ему «рассрочен, как трудящемуся». Возможно, частичное «внешнее управление» — удержание налогов хотя бы одним издательством — пошло бы такому человеку на пользу, избавив от лишней психологической нагрузки.

Что же касается «подхода фининспекции к Маяковскому», то **из документов следует**, что на протяжении шести лет Мосфинотдел демонстрировал большую гибкость. Лишь в последние полгода к поэту отнеслись строго. Не исключено, что именно этот контраст оказался болезненным для Маяковского, привыкшего, что Мосфинотдел все время идет ему навстречу. Косвенным свидетельством может быть фраза из письма в Наркомат финансов РСФСР: «я имел все основания <...> предполагать, что налог будет снижен до размеров прошлого года». Самое последнее решение комиссии, принятое 27 февраля 1930 года, совпало с чередой ударов, полученных Маяковским. 1 февраля открылась его выставка «20 лет работы», на которую не пришел никто из руководителей государства и видных писателей, а 16 марта провалом закончилась премьера пьесы «Баня» в театре Мейерхольда. Может быть, извещение о том, что и в этот раз не удалось добиться снижения налога, оказалось звеном в цепи событий, вызвавших душевный кризис поэта.

На «подход» к Маяковскому, безусловно, влияли события в стране и в самом Мосфинотделе, а также — возможно — личные пристрастия начальников ведомства. За период, охватываемый временными рамками налогового дела, в этой организации сменились три руководителя. С 14 июня 1920 по 2 января 1925 Мосфинотделом заведовал Фемистокл Антонович Бассиас¹⁴ (1881–1930). Обратим внимание на эту экзотичную для нашей страны греческую фамилию: она упоминается в четырех письмах Маяковского к Лиле Брик (ноябрь–декабрь 1921 года). Будучи в Риге, Лиля Юрьевна как минимум однажды отправила поэту в Москву через некоего Бассиаса весточку и посылку¹⁵. Письма

¹⁴ Встречается также написание «Басиас».

¹⁵ «Вчера звонил приехавший из Риги Басиас, просил зайти за книгами и за посылкой» (22 ноября 1921), «Что-то опять нет писем. После присланного через Бассиаса не было» (28 ноября), «После издательского письма с Бассиасом о тебе опять ни слуху ни духу» (1 декабря), «Последнее [письмо] было всё то ж — через

поэта были впервые опубликованы в 1958 году, в комментарии к ним утверждается (видимо, со слов Лили Брик), что Бассиас был «дипкурьер». Этот дипкурьер мог быть родственником Фемистокла Антоновича. А нельзя исключать и того, что комментарий ошибочный, и что Бассиас, приехавший из Риги, и Бассиас, управлявший Мосфинотделом — одно и то же лицо¹⁶. Тогда окажется, что Маяковский был с начальником столичной финансовой системы на короткой ноге, и, возможно, именно этим объясняется легкость его побед над налоговыми инспекторами в 1923 – 1924 годах. Судя по воспоминаниям режиссера Натальи Сац, Фемистокл Антонович уважал социальную роль искусства и был готов идти навстречу его деятелям (по крайней мере, знакомым), даже если это создавало нагрузку на городской бюджет¹⁷.

С 2 января 1925 по 22 октября 1929 года Мосфинотделом руководил Алексей Васильевич Николаев (1887–1939). Мы уже упомянули, что он как минимум однажды заступился за поэта, лично распорядившись 26 июня 1929 года снизить ему налог. Щедрость Николаева распространялась не только на Маяковского. «Вопреки партийным и советским директивам, Мосфинотдел широко развил практику «мягкосердечного отношения к частнику». <...> В 1928 г. было дано отсрочек в три раза больше, нежели в 1927 г. Процент отсроченных недоимок крупным предприятиям доходил до 60 – 80 и более в месяц. Зачастую пени с частных фирм, причитавшиеся по закону, просто не взимались. Недоимки катастрофически росли, достигнув к октябрю 1929 г. суммы в 8 миллионов»¹⁸. Такая лояльность к неплательщикам в конце концов вызвала закономерные нарекания. В апреле 1929 года был провозглашен первый пятилетний план развития СССР, требовались деньги на строительство заводов, закупку техники. И налоги были слишком важным источником этих средств¹⁹. За «беспорядки, вскрытые в аппарате» Мосфинотдела Николаев получил строгий выговор²⁰, видимо, они же послужили причиной его снятия с работы.

28 октября 1929 года Мосфинотдел возглавил Вячеслав Федорович Иванов (1894–1938) – человек до крайности аскетичный и жесткий, даже по отношению к близким. Своему единственному сыну Юре он долго отказывался купить велосипед: «У других детей его нет, а ты чем лучше»²¹. Легко представить себе, какие чувства мог вызывать у него «двухметроворостый» взрослый, который пишет «вот так мой труд вливается в труд моей республики» — а сам делает все, чтобы не делиться с республикой положенной долей доходов, и покупает любимой женщине заграничный автомобиль, когда стране позарез нужны трактора.

Вскоре на Мосфинотделе был опробован новый вид «чистки» — так называемое «рабочее шефство». 16 декабря 1929 года представители ведомства торжественно подписали в Большом театре договор с коллективом завода № 24 имени Фрунзе²² — это было первое в СССР соглашение такого рода. Бригаде из 270 пролетариев-добровольцев поручили проанализировать деятельность Мосфинотдела. Слесаря и токаря не только

Бассиаса» (5 декабря) (Новое о Маяковском. М., 1958. С. 118, 122, 123). Складывается впечатление, что речь идет об одном и том же письме от Лили Брик, отправленном 17 ноября 1921 года (там же, с. 120).

¹⁶ В анкетах Фемистокла Бассиаса, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории, в графе о составе семьи упомянута только жена (ф. 17, оп. 100, д. 16140, л. 1, 3). Видимо, у него не было ни сыновей, ни братьев.

¹⁷ Например, в условиях еще не завершившейся Гражданской войны Бассиас содействовал открытию в Москве театра для детей (*Сац Н.И.* Новеллы моей жизни. Т. 1. М., 1984. С. 121).

¹⁸ *Девенишский С., Александров Г.* За массовый контроль: Шефство заводов над госаппаратом. М., 1930. С. 19.

¹⁹ В доходной части единого госбюджета СССР на 1929/1930 годы доля налогов составляла почти половину, в то время как доходы от промышленности — всего 3,4 % (Пушкарева В.М. Указ. соч. С. 91).

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 100, д. 160128, л. 4об.

²¹ *Корсаков С.Н.* Вячеслав Федорович Иванов (1894-1938)// Тверские памятные даты на 2004 год. Тверь, 2004. С. 67.

²² Действовал в столице в 1927–1941 годах, выпускал автомобильные двигатели.

самостоятельно изучали (по вечерам, после отработанной в цехах смены) налоговые документы, но и устраивали настоящие расследования: выезжали на рынки, опрашивали продавцов, собирали сведения о чиновниках у их соседей. Итоги подвели 3 марта 1930 года. Было сокращено почти 60 % штатных сотрудников Мосфинотдела: вместо 610 осталось 219²³. Вот в какой обстановке выносилось последнее решение по налогам Маяковского.

Остается пожалеть, что до нас не дошли воспоминания сотрудников Мосфинотдела, общавшихся с поэтом — и особенно Степана Журавлева. К весне 2018 года, когда мы начали наши поиски, ни одного из троих его детей уже не было в живых. Умерли и почти все их потомки, семейный архив, по всей видимости, утрачен. Правнучке Журавлева Юлии Анохиной было семь лет, когда скончался Степан Акимович, разумеется, ничего узнать от него она не успела. Из рассказов старших родственников она помнила только одну историю: про то, что Маяковский как-то раз приходил к Журавлеву в кабинет, и разговор вышел такой бурный, что один из собеседников швырнул в другого деревянным пресс-папье. Правда, семейная легенда не уточнила самую любопытную подробность: кто же был метателем, а кто — мишенью²⁴. По словам Юлии Анохиной, прадед всю жизнь испытывал неприязнь к Маяковскому: «его имя в семье было под запретом».

Руководители Мосфинотдела, работавшие в 1923-1930 годах, также не оставили мемуаров. Фемистокл Бассиас скончался от тяжелой болезни, пережив Маяковского всего на полтора месяца, Алексей Николаев и Вячеслав Иванов были расстреляны в годы «большого террора». Местонахождение семейных архивов Бассиаса и Николаева нам неизвестно, как неизвестны и их родственники. Внучка Вячеслава Иванова, Елена Юрьевна Иванова, родившаяся спустя 13 лет после гибели деда, сообщила нам, что ничего не знает ни о его отношении к Маяковскому, ни о том, разговаривал ли он хоть раз с поэтом.

Архивы столичного финансового ведомства сильно пострадали во время Великой Отечественной войны, когда в здание попала бомба²⁵; в немногочисленных довоенных документах, переданных в Главное архивное управление Московской области и Главное архивное управление Москвы, имя Маяковского не встретилось. Так что возможность найти информацию, дополняющую сведения из налогового дела, пока представляется нам маловероятной. Впрочем, как показывает история с внезапно появившейся публикацией о Степане Журавлеве, неизвестные факты о Маяковском могут обнаружиться в самых неожиданных источниках²⁶.

²³ Колоритные подробности этой чистки можно узнать из брошюры, написанной одним из ее участников: Буров М. Б. Шефство заводов над госаппаратом: (Завод № 24 — Мосфинотдел). М., 1930.

²⁴ Мы предполагаем, что пресс-папье было в руках Журавлева. Известно, что Маяковский временами бывал очень агрессивен, но его агрессия носила демонстративный, театрализованный характер: он кричал, топал ногами, стучал тростью, делал страшные гримасы. К физическому воздействию Маяковский не прибегал, понимая, что при своем росте и темпераменте может запросто убить человека. А вот у инспектора во время визита буйного великана вполне могли не выдержать нервы, а рука — сама потянуться к метательному снаряду.

²⁵ См. История финансов Москвы. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники», 1998. С. 151.

²⁶ Краткая версия этой статьи опубликована в книге «100 лет Департаменту финансов города Москвы», подготовленной в рамках совместного проекта Департамента и газеты «Вечерняя Москва». Выражаем признательность редакции газеты и лично А.И. Куприянову и А.В. Белянчеву за возможность использования материалов и нескольких иллюстраций.